

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ
МИНИСТРЛІГІНІҢ ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛЫ

✓ 2004 № 8

ІЗДЕНІС

ТОМСК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

Р.КАДЫСОВА

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 30-е гг. XX в.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. отразила крайне неблагоприятное положение с грамотностью среди населения страны.

Причем, оно было намного хуже среди коренных жителей национальных окраин.

1930-е гг. - период распространения на селе образования, оплачиваемого крестьянами посредством особого культурного налога и местного "самообложения". Всеобщее начальное образование (с 1 по 4 класс) стало в Советском Союзе обязательным как в городе, так и в сельской местности с 1930-31 учебного года. В сельских школах обязательный для всех учащихся 5-й класс был введен с 1937-38 учебного года, 6-й класс - со следующего года, 7-й с 1939/40 года. Таким образом, в принципе все крестьянские дети в конце 1930-х годов получали по меньшей мере семилетнее образование, а не четырехлетнее, как в начале десятилетия [1].

Разумеется, картина доступа к образованию в деревне по-прежнему, как и в 1920-ые годы, искажалась в результате преобладания в начальных классах учеников - переростков. Практически крестьянские дети и поступали в школу и заканчивали ее поздно. Например, возрастная группа 12-14 лет должна была обучаться в 5-7 классах. Но на деле в сельских школах 1937 г. 53% 12-14 летних все еще учились в начальных классах [2].

Грамотность среди взрослого населения в 30-е гг. также повысилась, хотя вовсе не так разительно, как заявляли советские пропагандисты. Согласно данным переписей, грамотность сельского населения в возрастной группе от 9 до 49 лет выросла с 51% в 1926 г. до 84% в 1939 г. Для деревенских мужчин в данной возрастной группе это означало рост числа грамотных с 67% в 1926 г. до 92% в 1939 г.; для женщин - с 35% до 77%. Теперь, когда вышли на свет замалчивавшиеся цифры по 1937 году, данные 1939 г. выглядят несколько завышенными, и вероятно, от них следует отнять 7-8%. Даже в этом случае всеобщий рост грамотности впечатляет - или впечатлял бы, если бы власти не объявляли о 90% грамотности среди взрослого населения Советского Союза с 1932 г. [3]. Благополучие сельской школы в значительной степени зависело от отношения председателя сельсовета. Роль районного отдела народного образования, контролировавшего назначение учителей и определявшего приоритеты в деле школьного строительства, также была важна. Но именно сельсовет отвечал за сбор и расхищение средств, полученных по "самообложению", выделения жилья и подсобного участка учителям, отопление школьных помещений и общую сохранность школьных зданий. Сельсовет же платил учителям зарплату до 1936 г., когда эта обязанность перешла к районному отделу народного образования. Крестьяне жаловались, что не могут послать детей в школу, потому что не в состоянии купить книги и письменные принадлежности, не говоря уж о необходимой одежде и обуви [4]. Почти все рассказы газет об успехах школьного дела включают упоминание о сборе денег среди крестьян, часто на сумму порядка тысяч рублей [5].

В конце 20-х гг. учитель принимал самое непосредственное участие в делах государства в сфере образования (введение обязательного начального обучения, кампании по ликвидации неграмотности) и зачастую выступал с разъяснением, если не прямой защитой колхозной политики. В результате учителя наряду с советскими работниками и коллективизаторами нередко в тот период становились жертвами нападений озлобленных крестьян [6]. Когда первый угар коллективизации прошел, сельские учителя вновь оказались в двусмысленном положении, особенно часто терпя плохое

обращение со стороны местных чиновников, но оставаясь при этом представителями советской власти. Учитель играл центральную роль в распространении новой советской культуры на селе, начиная с организации культурной программы революционных праздников и заканчивая пропагандой чистки зубов и ведением курсов ликбеза. Многие учителя избирались членами сельских советов - должность, по большей части чисто символическая, демонстрировавшая связь фигуры учителя с системой советских ценностей.

Распространение образования на селе в 1930-е гг. повлекло за собой значительное увеличение количества сельских учителей, более чем удвоившегося с 1930 по 1940 г. Многие из этих новоиспеченных педагогов едва ли были грамотнее своих учеников. В начале 1934 г. 60000 учителей имели за плечами меньше семи классов общеобразовательной школы. Даже два года спустя, когда ситуация несколько улучшилась, лишь около трети учителей закончили педагогические институты или специальные курсы. С повсеместным открытием в деревне 5-7 классов средней школы преподавать в них пришлось многим учителям начальных классов, не обладающим соответствующей квалификацией [7]. В середине 1930-х гг. в печати начали превозносить старое доколение учителей (больше всего пострадавшее от подозрений в том, что оно социально или политически "чуждо" советской власти) и ставить его в пример новобранцам на педагогическом поприще. Некоторые газеты помещали на своих страницах рассказы о преданных своему делу учительницах, преподававших в одной и той же сельской школе тридцать лет, умевших поддерживать порядок среди учеников и давать им основы знаний. В 1939 г. Президиум Верховного Совета наградил 4000 сельских учителей почетными орденами и медалями - хотя, как говорят, профессия учителя была лишь одной из целого ряда профессий, отмеченных таким образом, и далеко не самой первой [8]. И в 1920-е, и в 1930-е гг. крестьяне, писавшие властям по поводу образования, часто просили построить в их районе новую школу или оказать финансовую поддержку, чтобы их дети могли учиться, то есть обеспечить их бесплатными завтраками, письменными принадлежностями, учебниками, помочь с одеждой.

В начале 1930-х гг. власть отказалась от прежней поддержки прогрессивных педагогических методов - предмета особой ненависти родителей-крестьян, постоянно требовавших, чтобы их детей учили основным навыкам чтения, письма и счета. Педагогические реформы начала 1930-х гг., решительный отказ от педагогических экспериментов 1920-х гг. положили конец столь частым в предыдущий период жалобам крестьян на несоответствие школьной программы их нуждам. Эти реформы восстановили в правах не только традиционные методы обучения, но и по большей части традиционную школьную программу: в 1934 г. ЦК даже предостерегал школы, чтобы они не перегружали учащихся идеологическими предметами (теория марксизма-ленинизма, материалы партийных съездов), которые недоступны их пониманию и вызывают скуку [8].

Однако более важной причиной перемен в отношении к образованию являлось то, что образование стало приносить особую практическую пользу деревенским родителям и их детям. Раньше только меньшинство ориентированных на город крестьян видело в образовании способ улучшить свою жизнь. В 1930-е гг. вследствие сопутствовавшего коллективизации

обесценивания деревенского образа жизни и ограничения свободы передвижения крестьян посредством паспортной системы, по-видимому, практически все крестьяне усвоили подобный взгляд. Образование давало билет для отъезда из колхоза. Оно служило средством вступить в ряды городского рабочего класса, в глазах крестьян — привилегированной группы, занимающей в советском обществе положение выше, чем их собственное.

Полезность образования для коллективизированного села заключалась не только в облегчении отъезда. Образование способствовало и продвижению в сельской среде. Колхоз ввел систему поощрений для колхозников, основанную на предоставлении возможности приобрести особые навыки или какую-либо официальную специальность, подобного в деревне никогда еще не существовало. Если колхозника посылали в райцентр на шестинедельные курсы счетоводов или птицеводов, это открывало ему путь к выдвижению из рядовых полевых работников на более высокую и лучше оплачиваемую должность колхозного счетовода или заведующего птицефермой. Поэтому среди колхозников велось соревнование за право попасть на такие курсы (отбор достойных обычно был прерогативой председателя). От крестьян приходило множество писем с жалобами на то, что их не послали на курсы водителей, или бухгалтеров, или животноводов. Протестовали они и в тех случаях, когда по окончании курсов не получали надлежащего признания и работы по специальности в колхозе или МТС [10]. Письма крестьян 30-х гг. отражали их твердое убеждение, что образование — их право. В свою поддержку они цитировали новую Конституцию.

Ядром новой советской культуры на селе были собрания. В отличие от потемкинских товаров вроде радиоприемников и роялей, собрания являлись частью повседневной жизни колхозников — обязательные, постоянные, ритуализованные, они требовали от крестьян знания советских процедурных правил и семантических оборотов, доселе неизвестных. Наряду с чтением газет собрания представляли собой основной вклад коллективизации в культурную жизнь села.

Понятие “новой культуры”, пришедшее в советскую деревню после коллективизации, к деревенским школьникам применимо больше, чем к любой другой категории сельского населения. Именно эта группа с наибольшим энтузиазмом воспринимала повествования и увлечения, приходившие в 1930-е гг. из города: звуковое кино, спорт, прыжки с парашютом, дальние перелеты, арктические исследования.

Решительное утверждение ценностей определено “советских”, не являющихся частью традиционной крестьянской ценностной системы, редкий в 1930-е гг. пример, когда большинство взрослых крестьян всем сердцем приняли ключевой компонент советской идеологии — провозглашение центральной роли образования как средства индивидуального продвижения и улучшения жизни общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Народное образование в СССР. Общественно-образовательная школа: Сборник документов 1917-1973 гг. М., 1974. С.42,109-113, 115-116.
2. Культурное строительство в СССР: Статистический сборник. М., 1956. С.115-116.

3. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. Сводный том. М., 1962. С.88. *данные по 1937 г.: Поляков Ю.А.* и др. Польшка молчания. С.65-66. Итоги выполнения пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. М., 1933. С.222

4. ГАРФ.Ф.3316.Оп.41.Д.107.Л.77

5. РГАЭ. Ф.7486.Оп.19.Д.412.Л.38

6. Народное просвещение. 1930. №6. С.16-17; №7-8. С.8-10.

7. Коммунистическое просвещение. 1934. №6. С.87; 1935. №1. С.99.

8. За коммунистическое просвещение. 1934. 18 января. С.2; Ключко В.Ф. Культурное строительство в советской деревне в годы пятилетки (1933-1937). М., 1956. С.68.

9. Народное образование в СССР. С.165-166. Крестьяне о советской власти. М., Л., 1929. С. 156-157, 164-165, 166-167, 178-179, 182-185; Fitzpatrick S. Education and Social Mobility... P.19-25, 136-157.

Резюме

Мақалада ХХ ғасырдың 30-жылдарының басында кеңес ауылында сауаттылықтың тарау мәселелері талданған, ауыл мектеп мұғалімдерінің жағдайы және ауылдағы мәдениет ролі сипатталған.